

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11182

EDN: KRVXZT

Повесть В. Костерина «Снайп» как явление филологической прозы

М. А. Шалина

*Евпаторийский институт социальных наук (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»
(г. Евпатория, Российская Федерация)*

e-mail: marie_ka@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется повесть В. Костерина «Снайп» в свете особенностей филологической прозы, а также традиций христианского реализма Ф. М. Достоевского. Прежде всего, сам герой произведения — снайпер, современный Раскольников (в прямом и переносном смысле) — проявляет особое внимание к словам, их звучанию и смыслу. Оказавшись надолго запертым в бункере, он многократно читает, перечитывает роман «Преступление и наказание» и даже переписывает его фрагменты, а именно главу, в которой Соня читает притчу о воскресении Лазаря. От увлечения художественным текстом, через обретение откровения о Слове, Роман Раскольников проходит путь духовного пробуждения, раскаяния и преобразования. «Филологичность» повести обусловлена как минимум несколькими факторами: тонким филологическим узором подтекстов, образуемых эпиграфами, ономапоэтикой, системой интертекстуальных переключек с творчеством Достоевского, а также прицельным вниманием автора — ученого-филолога — к вопросам сакральной функции евангельского слова в литературном тексте и применением собственной теории иконичности художественного образа. Контрастируя с подчеркнуто исторической, игровой постмодернистской направленностью, а также тотальной иронией над культурой, повесть В. Костерина выводит жанр филологической прозы к нравственно-религиозному и вневременному вектору, что обеспечивает жанру новый уровень и перспективы развития.

Ключевые слова: филологическая проза, жанр, «реализм в высшем смысле», христианство, евангельский текст, интертекстуальность, Василий Костерин, Достоевский

Для цитирования: Шалина М. А. Повесть В. Костерина «Снайп» как явление филологической прозы // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 3. С. 294–309. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11182. EDN: KRVXZT

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.11182

EDN: KRVXZT

The Short Novel (Povest') of V. Kosterin "Snipe" as a Phenomenon of Philological Prose

Marina A. Shalina

Yevpatoria Institute of Social Sciences (Branch)

V. I. Vernadsky Crimean Federal University

(Evpatoria, Russian Federation)

e-mail: marie_ka@mail.ru

Abstract. The article analyzes the short novel "Snipe" by V. Kosterin in the light of the peculiarities of philological prose, as well as the traditions of F. M. Dostoevsky's Christian realism. First of all, the hero of the work himself, the sniper, the modern Raskolnikov (literally and figuratively) pays special attention to words, their sound and meaning. Locked up in a bunker for a long time, he repeatedly reads, rereads and even rewrites the novel *Crime and Punishment*, namely the chapter where Sonya reads the parable of the resurrection of Lazarus. From a passion for a literary text, through gaining a revelation about the Word, Roman Raskolnikov follows the path of spiritual awakening, repentance and transformation. The "philological nature" of the story is attributable to at least several factors: a subtle philological pattern of subtexts formed by epigraphs, onomapoetics, a system of intertextual echoes with Dostoevsky's work, as well as the targeted attention of the author, a philologist, to the sacred function of the gospel word in a literary text and the use of his own theory of the icon nature of an artistic image. Contrasting with the emphatically historical, playful postmodernist orientation, as well as the total irony in regard to culture, V. Kosterin's story steers the philological prose genre towards a moral-religious and timeless vector, which brings the genre to a new level and endows it with development prospects.

Keywords: philological prose, genre, "realism in the highest sense", Christianity, Gospel text, intertextuality, Vasily Kosterin, Dostoevsky

For citation: Shalina M. A. The Short Novel (Povest') of V. Kosterin "Snipe" as a Phenomenon of Philological Prose. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2022, vol. 20, no. 3, pp. 294–309. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11182. EDN: KRVXZT (In Russ.)

Возникновение филологической прозы как жанра исследователи видят в «полунаучном-полухудожественном» творчестве ученых-филологов 1920-х гг.: В. Шкловского, Б. Эйхенбаума, Л. Гинзбург и др. [Степанова: 75]. Развитие и «канонизация» жанра филологического романа происходит уже в эпоху постмодернизма, со свойственными его эстетике установками на смешение традиций, особые отношения автора и героя, игровое, карнавальное начало, иронию и сложную культурную рефлексию. В ряду текстов, относимых к филологической прозе, выделяют как произведения, написанные литературоведами («Записки блокадного человека» Л. Гинзбург, «Прогулки с Пушкиным» А. Синявского, «Сентиментальный дискурс. Роман с языком» Вл. Новикова, «Ложится мгла на старые ступени» А. Чудакова, «НРЗБ», «Инвенции», «Мемуарные виньетки» А. Жолковского), так и литературные труды, созданные не учеными-филологами, которые, однако, стремились «сделать филологическую теорию художественным объектом» («Пушкинский дом» А. Битова, «Линии судьбы, или Сундучок Милашевича» М. Харитонова, «Б. Б. и др.» А. Наймана и др.) [Степанова: 75].

Вл. Новиков считал филологический роман «беллетристическим повествованием о писателях», типом сочинения, синтезирующим в себе черты мемуаров и эссеистики [Новиков]. Прецедентными текстами здесь служат романы А. Битова «Пушкинский дом», Ю. Карабичевского «Воскресение Маяковского», А. Гениса «Довлатов и окрестности». Как пишет О. Ф. Ладохина, «авторы этой жанровой формы превращают свою творческую биографию, биографии коллег по цеху, перипетии литературной жизни в сюжетное пространство литературного произведения, в границах которого появляется возможность декларировать индивидуальные особенности авторского стиля, используют “площадку” произведения для литературного эксперимента, стилистических новаций» [Ладохина: 5].

Основным жанровым признаком филологического романа Вл. Новиков считает «такой роман, где филолог становится героем, а его профессия — основой сюжета» [Новиков]. Центральная проблематика филологической прозы очевидно связана с вопросами «собственно литературы и языка» [Ладохина: 5].

Василий Костерин — псевдоним и творческое alter ego ученого-филолога, искусствоведа Валерия Владимировича Лепехина. Его повесть «Снайп» отвечает канонам филологической прозы уже по принципу применения теории (иконичности образа в художественном тексте) к собственному литературному материалу. Герой произведения — вовсе не филолог, но его чуткое внимание к языку делают слово и его воздействие на разум и душу личности основным объектом изображения и постижения¹. Однако если все приведенные выше примеры филологической прозы тяготели к мемуарам в синтезе с модернистским экспериментом или к постмодернистской игре-маске, то текст Василия Костерина выводит жанр филологического сочинения в иное — нравственно-религиозное и вневременное — русло. Принадлежность повести «Снайп» к филологической прозе обоснована этимологией самого понятия филологии как «любви к слову», причем «филологичность» текста повести — в ее исконно культурном и духовном смысле — контрастирует с принципом тотальной игры и иронии над культурой в литературе постмодернизма (вспомним программный «филологический роман» А. Битова «Пушкинский дом»).

Сегодня принято говорить о литературоцентризме русской культуры и его разрушении в современном искусстве. Повесть «Снайп» представляет собой пример современного художественного творчества, в котором *слово* стремится к выражению своего сакрального смысла, к явленности *Логоса*. «Литературоцентризм» (от литеры — «буква», то есть условный знак, вторично созданная с помощью знаков художественная реальность) противостоит, если можно так выразиться, «словоцентризму», где через языковые знаки передается особый — духовный — смысл. Это то, чем *литература* отличается сущностно от феномена *словесность*, характерного для русской художественной традиции. В этом — наиболее важное созвучие

¹ Е. И. Маркова также считает, что «характер его <автора> основной деятельности наложил отпечаток на его прозу, для которой вполне приложимо определение “филологическая проза”. <...> ...в повести “Снайп” действие сведено до минимума, внимание автора сосредоточено на размышлениях героя над романом Ф. М. Достоевского “Преступление и наказание”» [Маркова: 48–49].

автора с особым реализмом Ф. М. Достоевского («фантастическим», реализмом «в высшем смысле», «христианским» или «духовным» — в разных терминологических определениях), который «не исчерпывается насущным, видимо текущим»², но приоткрывает в действительном некое знание о сокровенном, о горнем, метафизическом. В. Костерин сознательно следует и продолжает традиции поэтики Достоевского, создавая современного Раскольникова (только Романа, а не Родиона) и проводя его по пути духовного пробуждения и преображения через приобщение к Слову — сначала литературному, а затем Божественному.

Художественные параллели повести «Снайп» с творчеством Ф. М. Достоевского заявлены автором уже в графическом оформлении обложки книги, на которой помещено изображение собрания сочинений классика в авторской (то есть дореволюционной) орфографии, знакомое всем исследователям и привлекающее взгляд «неспециалиста» необычной Θ в инициалах и десятеричной i в фамилии писателя³. История Раскольникова наших дней (еще раз напомним, что герой повести является действительно однофамильцем персонажа хрестоматийного романа), ставшего снайпером — профессиональным убийцей, показывает уровень деформации нынешнего мира, где право отдельных личностей на «кровь по совести» стало не идеологическим преступлением, а обычным делом, работой. Возлюбленная героя — София, тезка Сонечки Мармеладовой. Идеино-смысловая связь произведений реализуется в предмете художественного изображения, а именно — пути грешника от падения к нравственному восстановлению через обращение к вере; в возникновении и укреплении веры — через евангельское Слово.

В центре повести — дневник героя, вынужденно оказавшегося в длительном заточении, отрезанного от внешнего мира, и чтение, многократное перечитывание им и даже

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1981. Т. 23. С. 145.

³ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : канонические тексты / изд. в авт. орфографии и пунктуации под ред. проф. В. Н. Захарова. Т. 1–11. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1995–2015-. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения Θ Д и указанием тома и страницы в круглых скобках.

переписывание фрагментов романа «Преступление и наказание», а именно — сцены чтения Евангелия о воскрешении Лазаря. Мы становимся свидетелями того, как Божественное Слово отыскивает дорогу к сердцам современных людей через лазейки секуляризованной («светской-советской», как подмечено героем) культуры — будь то народно-речевая традиция (пословицы, поговорки, сказки, предания), поэзия или художественная литература.

Согласно жанровым принципам филологической прозы, особую роль в повести В. Костерина играют *имя и слово*.

Повесть предваряют три эпиграфа. Первый из них — из Откровения Иоанна о тайне нового *имени*:

«Побеждающему дам белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает»⁴.

В произведении знаменательны вариации имен персонажей: Рома-Рюма-Роман; Соня-Таня-Лана; Лизавета-Лисавета-Лизонька.

Автор акцентирует внимание на смене имен героев:

«Был Снайп, пока шла охота на Жертву, а теперь снова Рома, для старых друзей — Рюма» (8).

Снайп — профессиональный «ник», усеченная форма от снайпер (англ. «меткий стрелок»), соответствует английскому глаголу *snipe* — «стрелять». Суффикс *-ер-* обозначает производителя действия, и морфемное усечение словно освобождает носителя от ответственности за совершаемые убийства, как отточенное умение пользоваться «кнопкой *delete*» для стирания болезненных воспоминаний в собственной памяти, подобно компьютерной.

Имя Роман (от лат. «римский») наводит на выраженные ассоциативные связи с книжным — романическим — миром, что осознает сам герой: «Не книжка с любовной историей, а человек!» (138). Вместе с тем автор обыгрывает переключку имени своего героя с отчеством персонажа Достоевского, при этом упоминая еще и то, что легендарный древнерусский

⁴ Костерин В. Снайп. Повесть, рассказ, поэма. М.: Паломник, 2017. С. 6. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.

князь-страстотерпец Борис стал Романом в крещении и безвестного отца Романа Раскольникова также звали Борисом. Возникает идея о том, что небесное имя находит носителя, даже вопреки человеческой воле, искажающей Промысел (желание матери изменить у сына отчество, по имени настоящего отца, бросившего ее с новорожденным).

Прозвище Рюма происходит от привычки героя носить «серебряную, с позолотой внутри, рюмку на низкой ножке» (8), что очевидно рождает представления о причастной чаше — символа страданий и очищения от греха во всеобщей евхаристии.

С объяснением тайны трех имен героини-возлюбленной связана отдельная глава, в которой повествуется о нелегкой судьбе русской девушки, ставшей снайпером на войне в Афганистане, а затем поневоле вынужденной выполнять эти функции уже в порядке принудительно заказной работы. Отсюда у Софии появляются новые имена — сначала Таня, затем Светлана — Лана.

Обыгрываются и переключки излюбленных Достоевским женских имен София — Елизавета: крестовые сестры Сонечка и Лизавета в «Преступлении и наказании», в повести «Снайп» Лизонька (Лисавета) — подруга, ставшая крестной матерью девушки-снайпера, уговорившая ее принять Святое Крещение; Лизонькой называет героиня свою приемную дочь; София и Елизавета — последние Жертвы Снайпа.

В толковании свт. Кесария Арелатского, наиболее адекватном замыслу повести, слова апостола Иоанна, приведенные в эпиграфе, интерпретируются следующим образом: «И дам ему белый камень — *то есть тело, убеленное крещением*. И на камне написанное новое имя — *то есть знание о Сыне Человеческом*. Которого никто не знает, кроме того, кто получает — *а именно через откровение*. И потому говорится об иудеях: *ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы* (1 Кор. 2:8)»⁵.

Роман Раскольников, далекий от мыслей о Боге, не бунтующий против творения и Творца, как герои-идеологи Достоевского, даже не задумывающийся о том, есть ли душа и что

⁵ Кесарий Арелатский, свт. Толкования на Откр. 2:17 [Электронный ресурс]. URL: <http://bible.optina.ru/new:otkr:02:17> (10.04.2022).

она такое, оказавшись в вынужденном длительном заточении в бункере («гробе») и просто читая роман Достоевского, проникается примером жертвенной любви Сонечки Мармеладовой, впускает в сердце евангельские строки, обретает веру и раскаяние, постигает сущность истинной Любви, которая «долготерпит, милосердствует <...>, не завидует <...>, не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине: все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» и «никогда не перестает» (1 Кор. 13:4–8). Об образе Сонечки, которая сразу произвела неизгладимое впечатление на Снайпа, он пишет так:

«Давным-давно скончался (бабушка говорила “преставился”) Федор Михайлович, а милая Сонечка продолжает его дело среди нас, не давая порваться тонкой связи между художественной и земной реальностью, между землей и Небесами» (88).

В бункерной библиотеке Роман находит странный набор книг: собрания сочинений Леси Украинки, Тараса Шевченко и целую коллекцию различных изданий одного-единственного романа Достоевского — «Преступление и наказание». Поэзия первых двух авторов оказывается на чужом герою украинском языке, однако со свойственным ему языковым чутьем он устанавливает лексические связи благодаря общей этимологии: «в тузі» значит «в туге», от глагола «тужить» (38). В хрестоматийном «Заповіте» Шевченко героя поражает призыв окропить свободу, волю «вражою злою кров'ю». Здесь автор ощутимо подталкивает и героя, и читателя осмыслить прямую корреляцию идей революционеров, борцов за народное счастье, воздвигаемое на крови, и идею Родиона Раскольникова, мечтавшего осчастливить человечество, пролив кровь «зловредной» старухи-процентщицы, стать Наполеоном. Эта мысль кажется герою «пострашней», чем даже пролить чужую кровь за деньги (36).

Через станцию метро «Достоевская», название которой отмечает для себя Снайп, жизнь недвусмысленно ведет его ко встрече с Текстом. «Преступление без наказания» — так в шутку со школьных лет называет произведение великого

классика Роман Раскольников, «имея в виду тот факт, что в свое время не прочитал и его и не потерпел от этого никакого ущерба на экзамене» (35). Между тем вскоре герою предстоит пройти путь осознания и преступления, и наказания, а также того, что следует за этим и что открывается именно в творчестве бывшего каторжанина Достоевского, прошедшего опыт «Мертвого Дома» в Сибири. Неслучайно роман «Преступление и наказание» оказывается у героя под подушкой, как Евангелие у болеющего Раскольникова в эпилоге, как и, собственно, у самого Достоевского на каторге. Герой «Снайпа» открывает роман наугад, как делал Достоевский с Евангелием. Слово Божественной благой вести, переданное даже фрагментом в художественном тексте с иными, возможно, целями, не перестает выполнять своей прямой животворящей функции, являясь «водой живой», необходимой духовной пищей для жаждущих.

Ощущая свое внутреннее родство с литературным однофамильцем, герой яростно осуждает Раскольникова, на самом деле борясь с похожей гордыней в себе. С этим связан второй эпиграф повести — пушкинские строки: «Мы почитаем всех нулями, // А единицами — себя. // Мы все глядим в Наполеоны; // Двуногих тварей миллионы // Для нас орудие одно...» (6). Через принятие и прощение «ненавистного Родьки» герой должен пройти путь осознания своей вины, раскаяться и обрести прощение.

В повести В. Костерин усиливает и укрупняет эффект «Преступления и наказания», где евангельское слово не просто выступает композиционным и смысловым центром, но становится проводником Божественной благодати — чуда воскресения героя, внезапной («вдруг») перемены его омраченного сознания — метаноии.

Подготовка читателя к особой встрече со *словом* происходит в тексте повести уже с первых страниц, поскольку ее герой, далекий от литературы и филологии, весьма чутко вдумывается в звучание и значение слов и выражений в языке. Лексический кругозор героя сформирован двумя определяющими русскую культуру традициями: древнерусской (и церковнославянской) — от бабушки и классической литературно-поэтической — от

друга Виквика, которого часто вспоминает и цитирует (думает его изречениями) Роман. Вслед за героем и читатель, по наитию автора, прислушивается к разнице звучаний (и значений!) слов: «не глаза, а самые настоящие очи» (107), Млечный путь созерцается — «только это слово и подходит здесь», в слове *лихорадочно* спряталось *Лихо* (107), *преступление* — *переступление* порога, границы — закона или совершение греха против Бога (77).

Постепенно, начиная с праздного чтения, по мере проникновения в текст, Снайп замечает, что Достоевский «перелицовывает» его: «...я встану живым примером. Мой опыт можно повторить. Надо только, отбросив лень, читать *Преступление* — подряд и выборочно, особенно четвертую главу четвертой части, про Лазаря. Шесть-семь недель. Таков мой рецепт» (90). Здесь автор художественно воплощает действительный феномен того, что многие люди обрели веру, пришли к Богу в свое время именно через чтение произведений Достоевского, насыщенное евангельским интертекстом.

Преображение героя обозначено сменой имени рассказчика: от дневника Снайпа — к дневнику Романа. Именно в ипостаси своего настоящего, данного при рождении и крещении имени, герой постигает духовную Истину, выраженную в первом из произведений «великого пятикнижия» Достоевского, — причем знаковым является и его переход от чтения текста в современном привычном варианте к петрозаводскому изданию романа в дореволюционной авторской орфографии, где не только Бог пишется с большой буквы, но у литеры Ъ «крестик наверху». Герой вспоминает об изучении в университете научного атеизма, который сами студенты называли «антинаучным теизмом», выискивали и выписывали библейские цитаты из текстов учебника, в то время как «в душе жило чувство допотопности происходящего, описываемого и древности языка, на котором повествовалось о Боге» (123).

Чуткий к слову и вдумчивый, Роман размышляет о Лазаре четверодневном: «И если четвертый день, то Лазарь вышел из времени. Там времени, кажется, уже нет. Ему знакомо состояние вневременности или безвременности» (128). Об этом же откровение князя Мышкина, которому Достоевский доверяет

собственные прозрения относительно ощущений перед эпилептическим припадком (символической смертью). Князь говорит о молниеносном просветлении и умиротворении, «удесятерении» самосознания, напряжении всех жизненных сил, когда душа и разум человека достигают «молитвеннаго слитія съ самымъ высшимъ синтезомъ жизни» и становится понятным «слово о томъ, что *времени больше не будетъ*. Вѣроятно, <...> это та же самая секунда, въ которую не успѣлъ пролиться опрокинувшійся кувшинъ съ водой эпилептика Магомета, успѣвшаго однако въ ту самую секунду обозрѣть всѣ жилища Аллаховы» (ӨД; т. 8: 233–234). «Вы не прощаете ничего, потому что прощать уже нечего. Вы не то что любите, о — тутъ выше любви! <...> Если болѣе пяти секундъ — то душа не выдержитъ и должна исчезнуть. <...> Чтобы выдержать десять секундъ, надо перемѣниться физически», — уверен Кириллов в романе «Бесы» (ӨД; т. 9: 553). За эти мгновения герои Достоевского готовы «отдать жизнь», потому что именно в них открывается не умозрительное, но чувственное предощущение той, будущей, природы человека, которая настанет по «достижении цели», которую чувствует и ощущает в своих снах герой повести «Снайп».

Важной, на наш взгляд, является мысль о принципиальной наполненности отечественной культуры, секуляризованной в советский период, исконным священным, христианским смыслом. Герой повести «Снайп» (не)случайно находит символические религиозные атрибуты в неожиданных источниках: молитву «Отче наш» в рассказе Льва Толстого «Рубка леса», образ Владимирской Богоматери в газете «Комсомольская правда», в одном из изданий романа «Преступление и наказание» — вырезанную из альбома цветную репродукцию иконы Воскрешение Лазаря. Роман будто собирает — восстанавливает — из рассыпанных осколков целостную картину разрушенной, но не утраченной духовно-религиозной культуры.

Икона — тоже слово. Автор повести «Снайп», в ипостаси крупного ученого-филолога, предложил концепцию художественной иконичности: «Словесный образ может быть иконичным, если он не замыкается в подражании природе, следуя античному принципу мимесиса, а преображает ее словом,

выявляет в природе ее связь с Творцом, с небесными перво-образами» [Лепяхин: 7]. «Призвание художника, творца состоит в том, чтобы выявлять в человеке образ Божий и подобие Его, показывать то, что связывает человека с Богом, с Царством Небесным. И в этом смысле в области культуры, словесности, творчества можно говорить о художественной иконичности, об иконичной поэтике и иконичной эстетике, которые только начинают формироваться», — пишет В. В. Лепяхин [Лепяхин: 7]. Повестью «Снайп» писатель В. Костерин художественно воплощает свою научно-теоретическую мысль и демонстрирует пример иконичной эстетики и поэтики на примере романа Ф. М. Достоевского. Так, Снайп записывает в своем «читательском» дневнике:

«Великий писатель поставил великий монумент. Женщине! Живой памятник, который никто не сможет осквернить. Скульптуру нетрудно забрызгать грязью или краской, можно свалить, как теперь пошла мода по стране <...>, но что делать с удивительным — чистым и жертвенным — бесплотным изваянием Сонечки? Даже не изваянием, а *духовной иконой*» (курсив мой. — М. III.) (43).

Дневник Снайпа, а затем дневник Романа представляет собой становление личности через слово, подобно тому, как это было воплощено молодым Достоевским в романе «Бедные люди». Как пишет В. Н. Захаров, Макар Алексеич Девушкин «преображается — и преображается духовно. Это постепенный процесс, в котором ключевую роль играет литература. На глазах читателя недалекий переписчик превращается в писателя, <...> который в слове осознает себя и мир, который неожиданно замечает, что у него “слог становится”, который обретает творческое всеисилие над сказанным и утаенным словом» [Захаров, 2013b: 85]. И в другой работе ученый конкретизирует эту мысль: «...эволюция Макара Девушкина безусловна. Герой перерождается: он сознает себя в слове, в письмах Вареньке, изреченное слово помогает сознать себя и понять других, происходит *духовное возрождение человека в слове и словом*» (курсив мой. — М. III.) [Захаров, 2013a: 156].

В записной книжке Достоевского к роману «Бесы» есть такие размышления:

«Не мораль Христова, не учение Христа спасаетъ миръ а именно въра въ то что слово плоть бысть. <...>. Надо именно върнуть, что это окончательный идеаль челоуька, все воплощенное слово, Богъ воплотившийся»⁶.

Герой повести «Снайп» отмечает: «Иногда мне кажется, что в моем стиле <...> все заметнее влияние Федора Михайловича» (69). «Федор Михайлович! Твой роман перелицовывает меня понемногу, что-то меняет во мне, медленно, но верно» (60). Причем эта внутренняя трансформация ощутима им эмпирически: «Я иногда чувствую себя другим человеком. Как будто я вышел из одной реальности и вошел в другую» (45). Это то, что озвучил о творчестве русского классика Н. А. Бердяев: «Человек, приобщившийся к миру Достоевского, становится новым человеком, ему раскрываются иные измерения бытия»⁷. По справедливому утверждению В. Н. Захарова, «Достоевский явил новое слово о человеке и мире. Его открытия переворачивали привычные представления о литературе и о человеке, но раскрывали принципы христианской антропологии, впервые выраженные в мировой литературе в столь яркой художественной форме» [Захаров, 2013b: 84]. В художественном мире Достоевского «Слово творит мир, человека, приобщает его к Богу» [Захаров, 2013a: 160].

Как сознание Сонечки Мармеладовой осталось нетронутым грехом, в который погрузилось тело, так душа героя повести «Снайп», несмотря на страшную профессию и умение «выключать» воспоминания и стирать угрызения совести командой *delete*, остается восприимчивой к добру, к любви и человечности. Сцена поцелуя коленки Ланы: «Он неожиданно наклоняется и целует белый шрамик» (103) — звучит ощутимым рефреном к жесту целования ноги и знаменитым словам Раскольникова: «Я не тебѣ поклонился, я всему страданію челоуьческому поклонился» (ӨД; т. 7: 310). Воспитанный бабушкой в исконных народных традициях, приобщенный к культуре другом Виквиком, Снайп-Роман восстанавливает в себе человека, а значит, и образ Божий.

⁶ ОР РГБ. Ф. 93.1.1.5. С. 39.

⁷ Бердяев Н. Мирозозерцание Достоевского [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/dostoevsky/index.html> (22.04.2022).

Третий эпиграф к повести — из «Преступления и наказания»: «Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти» (6). В словах несчастного Мармеладова — мысль о том, что в беде и окончательном падении человек может найти утешение, спасение только у милостивого Христа. К Нему, с самодельным крестиком на груди, под пулями идет герой в финальной сцене.

Н. О. Лосский писал: «У всех людей, по крайней мере в подсознании, хранится связь с Богом, как абсолютным добром, а также с идеалом своего индивидуального абсолютного совершенства и полноты жизни. Судьба человека зависит от степени любви его к этим ценностям; такова главная тема художественного творчества Достоевского» [Лосский]. И эта «главная тема» Достоевского в глубине своей художественно воплощена в повести Василия Костерина «Снайп».

В творчестве В. Костерина реализуется особая миссия литературы — не только как «слова о мире», но и как слова-Логоса, проводника духовных сил, способных пробудить человека к осознанию необходимости спасения и соединения с Живоначальным Образом, Словом воплощенным. В контексте традиций христианского реализма жанр филологической прозы обретает новый уровень и перспективы развития.

Список литературы

1. Захаров В. Н. Художественная антропология Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. Вып. 11. С. 150–164 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431455945.pdf (10.04.2022). DOI: 10.15393/j9.art.2013.377 (a)
2. Захаров В. Н. Что открыл Достоевский в «Бедных людях?» // Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. М.: Индрик, 2013. С. 75–87. (b)
3. Ладохина О. Ф. Филологический роман: фантом или реальность русской литературы XX века? М.: Водолей, 2010. 168 с.
4. Лепяхин В. В. Икона в русской словесности XIX–XX веков. Сегед: JATEPress, 2015. 354 с.
5. Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/6/dostoevskij-i-ego-hristianskoe-miroponimanie/> (20.04.2022).

6. Маркова Е. И. Повесть инициации В. Костерина «Снайп» // Икона в русской словесности и культуре: мат-лы XVI Междунар. науч. конф. / отв. ред. и сост. М. В. Первушин; Дом Русского Зарубежья. М., 2020. С. 47–76.
7. Новиков Вл. Филологический роман. Старый новый жанр на исходе столетия // Новый Мир. 1999. № 10 [Электронный ресурс]. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1999/10/filologicheskij-roman.html (20.04.2022).
8. Степанова И. М. Филологический роман как «Промежуточная словесность» в русской прозе конца XX века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. № 6. С. 75–82.

References

1. Zakharov V. N. Dostoevsky's Poetic Anthropology. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013, issue 11, pp. 150–164. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1431455945.pdf (accessed on April 10, 2022). DOI: 10.15393/j9.art.2013.377 (In Russ.) (a)
2. Zakharov V. N. What Has Dostoevsky Discovered in “Poor Folk”? In: *Zakharov V. N. Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva [Zakharov V. N. The Author's Name Is Dostoevsky. An Essay on Creative Works]*. Moscow, Indrik Publ., 2013, pp. 75–87. (In Russ.) (b)
3. Ladokhina O. F. *Filologicheskij roman: fantom ili real'nost' russkoy literatury XX veka? [The Philological Novel: Phantom or the Reality of Russian Literature of the 20th Century?]*. Moscow, Vodoley Publ., 2010. 168 p. (In Russ.)
4. Lepakhin V. V. *Ikona v russkoy slovesnosti XIX–XX vekov [Icon in Russian Literature of the 19th–20th Centuries]*. Szeged, JATEPress Publ., 2015. 354 p. (In Russ.)
5. Losskiy N. O. *Dostoevskiy i ego khristianskoe miroponimanie [Dostoevsky and His Christian Worldview]*. Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/6/dostoevskij-i-ego-khristianskoe-miroponimanie/> (accessed on April 20, 2022). (In Russ.)
6. Markova E. I. The Short Novel (Povest') of Initiation of V. Kosterin “Snipe”. In: *Ikona v russkoy slovesnosti i kul'ture: materialy XVI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii [Icon in Russian Literature and Culture: Materials of the 16th International Scientific Conference]*. Moscow, 2020, pp. 47–76. (In Russ.)
7. Novikov Vl. Philological Novel. Old New Genre at the End of the Century. In: *Novyy Mir*, 1999, no. 10. Available at: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1999/10/filologicheskij-roman.html (accessed on April 20, 2022). (In Russ.)
8. Stepanova I. M. The Philological Novel as an “Intermediate Literature” in the Russian Prose of the End of the 20th Century. In: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]*, 2005, no. 6, pp. 75–82. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Шалина Марина Александровна, Marina A. Shalina, PhD (Филологический факультет, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических дисциплин и методик их преподавания, Евпаторийский институт социальных наук (филиал) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского» (ул. Просмушкиных, 6, г. Евпатория, Республика Крым, Российская Федерация, 297408); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4373-8331>; e-mail: marie_ka@mail.ru).

Marina A. Shalina, PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Philological Disciplines and Teaching Methods, Yevpatoria Institute of Social Sciences (Branch) V. I. Vernadsky Crimean Federal University (ul. Prosmushkinykh 6, Yevpatoria, 297408, Republic of Crimea, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4373-8331>; e-mail: marie_ka@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 15.05.2022

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 18.07.2022

Принята к публикации / Accepted 01.08.2022

Дата публикации / Date of publication 12.09.2022